

[Рец. на: / Review of:] **M. Norde, F. van de Velde (eds.). Exaptation and language change.** Amsterdam: John Benjamins, 2016. viii, 411 p. ISBN 978-90-272-6747-4¹.

Павел Валерьевич Гращенко

Pavel V. Grashchenkov

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, Москва, Россия;
pavel.gra@gmail.com

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; Pushkin State Russian
Language Institute, Moscow, Russia;
pavel.gra@gmail.com

Понятие экзаптации (exaptation) было введено в эволюционную биологию Стивеном Гулдом и Элизабет Врбой в работе [Gould, Vrba 1982] взамен термина «преадаптация». Под экзаптацией понимается радикальная смена выполняемой органом функции. Классическим примером экзаптации в биологии является использование птицами оперения для полета. По последним данным перья развились еще у динозавров и изначально служили для регуляции температуры (или, согласно альтернативным гипотезам, для маскировки, защиты кожи, охоты и т. д.), см. [Prum, Brush 2014].

Гулд и Врба критикуют термин «преадаптация», введенный еще Чарльзом Дарвином, так как организм не может предварительно адаптироваться к некоторой функции, не имея информации о том, какой она будет. Понятие экзаптации — резкого перехода от одной функции к другой — лишено подобного телеологического наполнения и, следовательно, согласуется с идеей естественного отбора. Надо отметить, что термин «преадаптация» иногда используют в том значении, в котором он связан с изменениями, предполагающими отказ от прежней функции и переход к новой (т. е. с экзаптацией).

Экзаптация противопоставляется адаптации. Согласно Гулду и Врбе, адаптация — постепенное изменение старой функции на новую, в то время как экзаптация предполагает кооптацию (cooptation), «(сопутствующий) выбор чего-либо дополнительного», то есть дополнительной функции (в случае изменений в языке).

Введение механизма экзаптации предвосхищается в одной из ключевых работ по современной эволюционной биологии [Gould, Lewontin 1979], см. обзор в [Кузин 2016]. В статье биологов-эволюционистов Гулда и Левонтина вводится заимствованное из архитектуры понятие «spandrels» (углы или пазухи свода). Несмотря на то, что основная функция пазух — поддержание арки свода, они часто несут дополнительную декоративную функцию. Метафора пазух свода хорошо подходит для объяснения механизма экзаптации: орган или часть организма, исходно предназначенная для одной функции, естественным образом «переключается» на выполнение другой.

Применительно к изменениям в грамматической системе термин «экзаптация» был введен в оборот Роджером Лассом в статье 1990 г. с примечательным названием «How to do things with junk: Exaptation in language evolution» («Как производить вещи из хлама: экзаптация в эволюции языка»), см. [Lass 1990]. Термин прекрасно адаптировался (или, возможно, экзаптировался) в лингвистике, см. [Vincent 1995; Hopper, Traugott 2003; Traugott 2004] и др.

Наиболее подходящими примерами экзаптации из истории русского языка могло бы быть использование бывших показателей двойственного числа в роли причислительного генитива

¹ Работа написана при поддержке проекта РНФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

(паукального числа) и развитие категории одушевленности. О признаках падежа (и в наибольшей степени — про номинатив и аккузатив) можно сказать, что они десемантизированы, поэтому развитие количественной семантики и семантики одушевленности вряд ли можно считать предсказуемым продолжением эволюции падежных признаков.

Примером из современного русского может послужить префикс(оид) *анти-*, развившийся в последние несколько лет и получивший специфическое значение ‘альтернативный, иной’ применительно к блюдам и заведениям общепита: *антисуши* (‘что-то кроме суши’), *антикафе* (‘кафе без оплаты / питания’) и т. д.² Исходной моделью таких образований было, скорее всего, заимствование *antipasto* из итальянского, имеющее значение ‘закуски’. Итальянское *anti-*, означающее предшествование, наложилось на русский префиксоид *анти-*, но получило при этом новое значение, не совпадающее ни с прежним русским, ни с итальянским. Данный пример, таким образом, представляет собой случай «рефункционализации» (refunctionalization) префиксоида *анти-*.³

Рецензируемый сборник включает избранные работы с тематических сессий двух крупных конференций: 20-й Международной конференции по исторической лингвистике 2011 г. в Осаке (20th International Conference on Historical Linguistics) и 45-го собрания Европейского лингвистического общества (45th meeting of the Societas Linguistica Europaea) в Стокгольме 2012 г.

В первой главе рецензируемой коллективной монографии «**Exaptation: Taking stock of a controversial notion in linguistics**», написанной ее редакторами Фрейком ван де Вельде и Мюриэль Норде, даются основные определения и обсуждается (возможная) роль экзаптации в современных исследованиях языковых изменений. Один из наиболее далеко идущих выводов, которые могут быть связаны с принятием или отклонением экзаптации по мнению редакторов, — взгляд на лингвистику как естественнонаучную или гуманитарную дисциплину. Автору рецензии, впрочем, не кажется, что принятие экзаптации столь однозначно влечет, а ее непринятие — однозначно отвергает естественнонаучный подход к языковым феноменам.

В отличие от Ласса, ван де Вельде и Норде придерживаются более широкого подхода к экзаптации, не считая, что экзаптируемый элемент обязательно является (грамматическим) «хламом» (junk), — достаточно, чтобы этот элемент подвергся скачкообразным (leap-like) изменениям. Вообще, по замечанию редакторов, требование к экзаптируемому материалу быть бесполезным в предыдущей системе несколько проблематично для лингвистики, учитывая то, что все языковые знаки представляют собой пару «означающее — означаемое». Возможно, требование бесполезности преобразуемого грамматического материала вообще не критично, скорее, иногда можно говорить о «частично пустых» или устаревших элементах.

Вслед за другими исследователями, см., например, [Heine 2003], ван де Вельде и Норде противопоставляют грамматикализацию как представляющую регулярные и целенаправленные изменения и экзаптацию как механизм внезапных и непредсказуемых изменений. Адаптации в биологии соответствует грамматикализация в лингвистике, в то время как биологическая экзаптация может соответствовать неожиданным изменениям, то есть деграмматикализации, которая, как принято считать, носит бессистемный характер — в отличие от грамматикализации. Однако, если экзаптация имеет теоретическое значение, то есть соответствует регулярным механизмам, постоянно проявляющимся в различных языках, непредсказуемость и бессистемность оказываются под вопросом.

² Ср., например, хэштэг *#антиПельмени*, соответствующий любой еде (овощи, мясо, пельмени с крабами...), но не пельменям.

³ Отметим, что случаи заимствования морфологических показателей из других языков вообще являются хорошими кандидатами в примеры на экзаптацию. В качестве другого примера можно привести английский суффикс имени деятеля *-er*, дающий в современном русском такие дериваты, как *зацепер* (‘тот, кто ездит, цепляясь за поезда’), *таксер* (‘таксист’) и т. д.

Другой важный аспект экзаптации — насколько приобретаемая старым элементом функция должна быть новой для системы в целом. Несмотря на то, что «строгое» определение предполагало бы развитие такой функции, которой не было на прежнем этапе, большинство исследователей все же склоняется к тому, что эта функция должна быть новой по отношению к данному формальному средству, но не обязательно отсутствующей в старой системе.

Глава Брайана Д. Джозефа «**Being exacting about exapting: An exaptation omnibus**» также носит по преимуществу теоретический характер. Джозеф обсуждает следующие важные вопросы, связанные с экзаптацией:

- 1) действительно ли экзаптация нужна в теории лингвистической диахронии?
- 2) если да, каковы ограничения на нее, а именно: а) как провести понятийные границы данного термина? б) как определить лингвистический контекст для экзаптации?
- 3) как экзаптация связана с другими диахроническими явлениями, такими как (де)грамматикализация и образование новых конструкций (constructionalization)?
- 4) может ли экзаптация повторяться внутри одного языка и в разных языках?

Обсуждаются в этой главе и более частные вопросы, к примеру следующие:

- 5) нужна ли экзаптация в диахронической морфологии, или можно обойтись более традиционными понятиями, такими как реанализ и аналогия?
- 6) применима ли экзаптация только к морфологии, или она также релевантна для синтаксических изменений?
- 7) предполагает ли экзаптация нерегулярность и непредсказуемость? если да, то верно ли, что она специфична для отдельных языков и межъязыковые обобщения невозможны?
- 8) насколько важно свойство «новизны» при экзаптации и что за ним стоит? в частности, должна ли новая функция быть а) абсолютно новой грамматической категорией; б) функцией, не связанной с бывшей ролью морфемы; в) функцией, отличающейся от старой, но связанной с ней?
- 9) говоря о связи экзаптации и грамматикализации, считаем ли мы их а) фундаментально различными типами изменений; б) или, возможно, экзаптация является конечной фазой грамматикализации; в) или, напротив, это разные ярлыки для одного явления?

В качестве одного из возможных примеров экзаптации Джозеф рассматривает нерегулярное, но характерное для ряда глаголов в санскрите образование перфекта посредством префикса *ān-* и умлаута вместо более общего механизма — редупликации. Джозеф разбирает также некоторые синтаксические конструкции из английского (*as of...*, *kinda...*). Заключение, к которому приходит автор в обоих случаях, — эти изменения можно описать в терминах реанализа и аналогии, не прибегая к экзаптации.

Автор следующей главы «**Co-opting exaptation in a theory of language change**» Ливио Гаэта, напротив, проводя противопоставление адаптации / грамматикализации, с одной стороны, и экзаптации — с другой, пытается показать, что экзаптация — необходимый в грамматической диахронии инструмент. Гаэта считает, что грамматический материал, подвергающийся экзаптации, проходит «переработку» (*recycling*). Такое преобразование происходит на стадии преадаптации, отличающей экзаптацию от обычной адаптации (грамматикализации).

Автор предпринимает попытку рассмотреть языковые диахронические процессы как результат динамического взаимодействия друг с другом множества участников речевой коммуникации. Такая система адаптивна, то есть чувствительна к прошлым и настоящим актам взаимодействия, из которых и складывается ее будущее поведение. Поведение отдельных участников (и, следовательно, возникающая структура) формируется под воздействием множества факторов, включающих перцептивные, когнитивные, социальные и т. д. Автору рецензии, впрочем, не показалось, что все указанные положения действительно играют сколько-нибудь серьезную роль в последующем анализе языковых данных.

По мнению Гаэты, явления, связанные с экзаптацией, отличаются отсутствием направленного пути развития, приписываемого обычно грамматикализации (*grammaticalization path*). Глава содержит последовательный разбор примеров фонологической, синтаксической и морфологической экзаптации.

Примером фонологической экзаптации Гаэта считает произошедшее в результате падения согласных на конце слога развитие тона в китайском языке. После выпадения согласных сохранились возмущения в частоте основного тона, которые автор считает стадией преадаптации к последующей тональной системе. О том, что перед нами пример экзаптации, говорит отсутствие направленного развития по одной оси.

Такое же отсутствие однонаправленного развития сопровождается приводимый Гаэтой пример синтаксической экзаптации. Подобным примером становится эволюция порядка слов в индоевропейских языках. Базовый порядок, как принято обычно считать, эволюционировал из SOV в SVO в романских или английском, VSO в кельтских и т. д. Говорить о едином направлении развития здесь, таким образом, тоже не приходится. Этапом преадаптации Гаэта полагает грамматикализацию отдельных прагматических свойств (топикальности), приведшую к «замораживанию» специальной позиции для отдельных грамматических функций (например, подлежащего).

Одним из примеров морфологической экзаптации Гаэта считает, например, развитие показателя множественного числа *-a* для некоторых итальянских существительных женского рода из маркера множественного числа для среднего рода в латыни. Дериваты с *-a* в таких случаях «преадаптируются», получая коллективное прочтение, например: *osso* ‘кость’ — *ossi* (м. р.) ‘кости’ / *ossa* (ж. р.) ‘скелет’.

Хейко Наррог в главе «**Exaptation in Japanese and beyond**» исследует возможность применения понятия экзаптации к материалу японского языка. Эта глава начинается с изложения автором собственной точки зрения на место экзаптации в исторической лингвистике. По мнению Наррога, данное понятие должно быть включено в инвентарь лингвистической диахронии, однако должно противопоставляться своему «большому брату» — грамматикализации.

Автор рассматривает такие явления японской исторической грамматики, как превращение показателя переходности в показатель каузативизации, преобразование форманта непереходных глаголов *(r)(a)u-* в показатель пассива *-(r)are*, показателя непереходности *-e-* в маркер потенциалиса, образования маркера эвиденциальности из именного показателя сходства, сочинительных частиц *keredo(=mo)* и *si* и т. д. Выводы Наррога таковы: случаи экзаптации связаны с обратным направлением грамматикализации (*secondary grammaticalization*, *de-/regrammaticalization*), когда из более грамматикализованного материала образуется менее грамматикализованный.

В главе встречаются некоторые странные замечания. Так, например, обсуждая подход исследователей, полагающих лингвистику одной из точных наук, автор утверждает, что они не интересуются исторической лингвистикой и эмпирическими данными из истории языка («*marginalize historical linguistics and empirical historical data*», с. 95). Это как минимум странно, так как со времен выхода классической монографии Д. Лайтфута «*Principles of diachronic syntax*» [Lightfoot 1979] к моменту написания рецензируемого сборника прошло без малого 40 лет, а одна из наиболее «рейтинговых» генеративных конференций DiGS (*Diachronic Generative Syntax*) проводится с 1990 г. Далее, сравнивая грамматикализацию и экзаптацию, автор утверждает, что грамматикализация не связана с приростом фонологического материала (*phonological accretion*) или срастанием элементов («*Most of the changes in the domain of voice involve phonological accretion, counter to common grammaticalization processes*», с. 113). Образование и эволюция сложных предлогов в русском или английском явно противоречит такой точке зрения.

Задача, решаемая Фердинандом фон Менгденом в главе «**Functional changes and (meta-) linguistic evolution**», — уточнение (вернее, переопределение) понятия грамматикализация. Автор дискутирует с предложенным Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1965] взглядом на грамматикализацию как переход от менее грамматического к более грамматическому. Исходно

Курилович подходил к грамматикализации как к переходу от деривационной морфологии к флективной (не принимая во внимание превращение лексического материала в грамматический, как это было у А. Мейе). Впоследствии Курилович изменил подход к грамматическим изменениям, предложив рассматривать грамматикализацию как градуальное явление: переход от лексического к грамматическому и переход от менее к более грамматическому. Как утверждает фон Менгден, два этих перехода имеют различную онтологическую природу. Вторичная грамматикализация не обязательно следует за первичной, а первичная не обязательно влечет вторичную. В пользу связи двух типов грамматикализации часто приводится то, что оба они сопровождаются фонологической и семантической эрозией, однако, по словам фон Менгдена, эрозия встречается и за пределами грамматикализации (любого типа) и не может ее диагностировать или быть «связующим» фактором двух ее типов.

Раз грамматикализация не может рассматриваться как направленный последовательный переход к более грамматическому, вторичная грамматикализация как раз и представляет собой пример экзаптации. Действительно, вторичная грамматикализация связана с изменением грамматической функции некоторой единицы, а именно изменение функции и есть экзаптация по определению. Как и некоторые другие авторы, фон Менгден прибегает к метафоре угла, пазухи свода в архитектуре, имеющего кроме основной нагрузки еще и декоративную. Точно так же верхненемецкий умлаут, исходно появившись как ассимилятивное явление, начал выражать множественное число имени (см. идиш: *shuch* ‘ботинок’ — *shich* ‘ботинки’; *tag* ‘день’ — *teg* ‘дни’).

В главе Мюриэль Норде и Грэма Трусдейла «**Exaptation from the perspective of construction morphology**» рассматриваются исторические изменения с позиций грамматики конструкций и, в частности, конструкционной морфологии. Языковой материал, легший в основу главы, связан с четырьмя явлениями: *s*-генитивом в шведском и нидерландском, нидерландским генитивом на *der*, адъективной флексией *-er* в шведском и датском и адъективным *-e* в нидерландском и африкаанс. Единственным примером экзаптации с сопутствующей адаптацией признается шведский *s*-генитив, так как он успешно адаптировал элемент старого морфологического инвентаря к новой функции (конструкции детерминатора). Другими примерами экзаптации авторы полагают так называемый нидерландский определенный *s*-генитив с именами собственными, местоимениями и терминами родства, а также адъективные дериваты с *-er* в шведском и датском, однако они малопродуктивны и, следовательно, в меньшей степени являются элементами новой грамматической системы (сети конструкций). Наконец, адъективное *-e* в нидерландском и африкаанс не является примером экзаптации, поскольку утрата рода в этих языках не привела к использованию этого элемента в новой функции (не произошло заимствование схемы других конструкций).

Дэвид Уиллис в главе «**Exaptation and degrammaticalization within an acquisition-based model of abductive reanalysis**» пытается ответить на вопрос о связи экзаптации и деграмматикализации. Оба явления связаны с изменением статуса устаревающих (*obsolescent*) единиц. Рассматривая процесс изменения с точки зрения усвоения языка, автор утверждает, что и при экзаптации, и при деграмматикализации прежнюю морфологическую форму становится трудно усвоить, что приводит к смене ее функции или категории. Поскольку усваивающий язык носитель не может «считать» информацию о функции старой формы, он пытается наделить ее новой функцией в рамках данной языковой системы.

Уиллис придерживается вполне традиционной точки зрения на грамматикализацию как продвижение на шкале «лексический элемент — аналитический показатель — клитика — морфема», считая в то же время, что деграмматикализация может состоять всего лишь из одного шага в обратном направлении на любом отрезке шкалы. Пример деграмматикализации у Уиллиса — образование из неопределенных местоимений типа ‘нечто’ существительных со значением ‘вещь, штука’, происходящее в южнославянских и некоторых других языках⁴.

⁴ Отметим, что похожие на именные употребления встречаются, хотя и не часто, и в русском, ср. *Вот только на кровати все еще сидело это странное нечто* (пример из интернета).

Подобные изменения, таким образом, подразумевают переход от грамматического к лексическому и являются примером деграмматикализации. Причина грамматических изменений в случае деграмматикализации — утрата роли элемента в системе (местоимений).

Наряду с грамматикализацией Уиллис выделяет и экзаптацию, считая ее отдельным процессом. Пример экзаптации по Уиллису — превращение формы множественного *were* в форму со значением отрицательной полярности в некоторых английских диалектах. Происходящая продолжительное время в английском языке нейтрализация глагольных форм по числу еще не затронула глагол *be*, однако в некоторых диалектах это уже произошло. В таких случаях числовое противопоставление исчезает, и в качестве единой формы обобщаются *was* либо *were*. Ряд диалектов, однако, сохраняет старую форму *were*, придавая ей новую функцию — выражение отрицательной полярности.

Уиллис считает экзаптацию «экстремальным реанализом», отличающимся от обычного. В случае обычного реанализа доступна хотя бы часть старой структуры, в то время как при экзаптации всякая информация о старой функции теряется, и остается лишь старая форма, которой заново присваивается новая функция.

В главе «**Allogeneous exaptation**», написанной Франческо Гардани, исследуется экзаптация при языковых контактах. Термин «аллогенный» (чужеродный) указывает на то, что заимствование грамматического элемента происходит из другой системы. Примерами служат германский глагольный формант *-ier*, перешедший из французского, а также случаи заимствования форманта в нидерландском, албанском и других языках Европы. С точки зрения Гардани, экзаптация действительно актуальна при описании языковых изменений и не сводится к грамматикализации, вторичной грамматикализации или деграмматикализации. Гардани также не считает, что экзаптация как научное понятие обладает объяснительной силой — для него она, скорее, является дескриптивным средством.

В главе Дитера Вермандера и Клэр Мойль «**How functionless is junk, and how useful is exaptation? Probing the *-i/esc-* morpheme**» обсуждается подход к романскому показателю *-i/esc-* как результату экзаптации. Формант *-i/esc-*, несший аспектуальную нагрузку в латыни, в современных романских языках переинтерпретировался в парадигматический показатель класса глагольной основы, что вынудило ряд авторов рассматривать такое преобразование как экзаптацию. Вермандер и Мойль дискутируют с подобным подходом. Они также ставят вопрос о релевантности двух ключевых для исходного определения Ласса аспектов экзаптации: ненужности (junkness) старого форманта и отсутствия его новой функции в исходной грамматической системе. Романский *-i/esc-* может считаться примером экзаптации, только если два этих требования будут отброшены, однако в этом случае мы можем лишиться понятие экзаптации объяснительной силы.

Другой известный пример экзаптации разбирается Евой Скафте Йенсен в главе «**The history of nominative *-er* in Danish and Swedish: A case of exaptation?**». Эта глава посвящена показателю *-er*, эволюционировавшему из окончания м. р. ед. ч. номинатива в деривационный показатель, оформляющий образование существительных от прилагательных. Как и в предыдущей главе, ответ на вопрос, считать ли обсуждаемый случай примером экзаптации, зависит от теоретического наполнения этого термина. Если следовать классическому определению Ласса, когда экзаптация — наделение грамматического «хлама» новыми грамматическими функциями, причем такими, которых прежде не было засвидетельствовано в языке, то история преобразования *-er* не является ее примером. Основные причины тому: показатель *-er* не был лишен функциональности на предыдущих этапах своего существования и не лег в основу новой для языка категории. Автор дает отрицательный ответ на вопрос о необходимости механизма экзаптации. Он был бы полезен, если бы был актуален в своем «классическом», узком понимании, но именно так, по мнению Йенсен, он не работает. Широкое понимание экзаптации сводится к реанализу и не обладает собственной объяснительной силой.

В следующей главе «**Is the development of linking elements in German a case of exaptation?**», написанной Ренатой Щепанек, исследуется история образования соединительных

элементов в немецких композитах, ср. *-en* в *Hahn+en+kamm* ('петух' + *en* + 'гребень'). В основе формирования таких показателей лежали тематические гласные, определявшие класс склонения имени. Современные соединительные элементы в немецком, однако, не восходят непосредственно к таким формантам. Новые соединительные элементы также наследуют свою функцию от одного из предыдущих этапов развития немецкого языка, при этом они не имеют формального предшественника в строгом смысле, так как процесс их фонологической эволюции состоял из нескольких этапов. Поскольку экзаптация есть появление новой грамматической функции для старого формального средства, Щепанек приходит к выводу, что обсуждаемый ей случай не представляет собой пример этого явления.

Хотя термин «экзаптация» используется по большей части для морфологических изменений в грамматике, глава Альберта Валя и Альваро Себастиана Октавио де Толедо и Хуэрта «**Exploring and recycling: Topichood and the evolution of Ibero-romance articles**» посвящена синтаксической экзаптации. Авторами рассматриваются случаи изменения употребления артикля в бразильском португальском и испанском языках.

В бразильском португальском развилось употребление неоформленных артиклем определенных именных групп в единственном числе в абсолютном начале предложения. Авторы рассматривают такое развитие как экзаптацию синтаксической функции, при которой существительные обрели большую свободу. В испанских комплетивных (изъяснительных) придаточных наблюдается развитие употребления определенного артикля, причем чаще он встречается с фактивными клаузами, находящимися в левой периферии. Развивающееся новое употребление напоминает показатель топика.

Валь и де Толедо и Хуэрта разделяют скептицизм Андерсена [Andersen 2006], относительно прямого заимствования понятий и механизмов эволюционной биологии в теорию грамматических изменений. По их мнению, экзаптация имеет смысл лишь как понятие, противопоставленное адаптации. Примером последней в лингвистике они, вслед за многими другими, признают грамматикализацию. Если грамматикализация предполагает путь последовательных преобразований грамматической структуры, то экзаптация описывает такой механизм изменений, при котором путь /направление грамматикализации на некотором этапе претерпевает резкое изменение.

По мнению авторов, оба обсужденных в главе феномена объединяет характер изменения: на определенном этапе эволюции в обоих случаях меняется сценарий грамматикализации. В случае бразильского португальского безартиклевые именные группы подверглись экзаптации (= альтернативному развитию), начав употребляться как определенные, если они являются данным в дискурсе. В испанском употребление определенного артикля стало специфицироваться в функции топика.

Завершающая сборник глава «**Exaptation and adaptation: Two historical routes to final particles in Japanese**», написанная Кацунобо Исудзу и Мицуко Нарито Исудзу, посвящена примеру японских частиц конца клаузы, развившихся из сочинительных и подчинительных союзов. Клаузы с подчинительными союзами подверглись «сокращению» (truncation): [[[CLAUSE1] CONJ] [CLAUSE2]] → [CLAUSE PARTICLE]. Клаузы с сочинительными союзами подверглись «сдвигу в конец» (backshift): [[CLAUSE1] [[CONJ] [CLAUSE2]]] → [[CLAUSE1] [[CLAUSE2] [CONJ]]] → [CLAUSE PARTICLE]. Сокращение клауз и «переосмысление» бывших союзов в качестве (дискурсивных) частиц является, по мнению авторов, последовательной адаптацией нового средства для некоторой (существующей) функции. Напротив, преобразование в союзы сочинительных частиц проходит «скачкообразный» этап сдвига и, следовательно, такие элементы не просто адаптируются, а проходят «адаптацию после экзаптации» или кооптацию. Согласно Исудзу и Исудзу, экзаптация является не биологической метафорой, а необходимым для объяснения ряда грамматических изменений средством, противопоставленным адаптации.

Биологический подход к языку как явлению и грамматическим изменениям как одной из важных манифестаций этого явления становится неотъемлемой частью современной лингвистики. Биологическая перспектива по-разному организована в формальных

и когнитивных лингвистических парадигмах. Так, для порождающей грамматики идея языка как результата биологической эволюции является одним из базовых постулатов. При этом данный постулат оказывается настолько глубоко встроен в систему генеративистских представлений, что его верификация и обоснование стали отдельной сложной задачей, ср., например, известную дискуссию [Fitch et al. 2005; Jackendoff, Pinker 2005].

Если говорить о подходе к языковым изменениям, то здесь биологическая перспектива гораздо активнее эксплуатируется в функционально-когнитивной лингвистике. Причин этому две. Первая заключается в том, что генеративный подход к диахронии предполагает переход от одного набора параметров (parameter set) к другому, см. [Roberts 2003; Roberts, Roussou 2003]. Механизмом такого перехода генеративисты почти всегда считают реанализ. Их гораздо меньше беспокоит то, как именно произошел переход, так как основной интерес представляют синхронные состояния языковых систем (= наборы параметров на разных исторических этапах) в процессе перехода. Вторая причина связана, напротив, с особенностями функционально-когнитивного подхода. Такой подход предполагает, что в основе любой грамматической системы лежат лексические элементы. Если для генеративной грамматики диахрония — смена одной грамматической системы на другую, то есть «хождение по кругу», то для функционального подхода грамматическая система — результат развития грамматического из лексического. Следовательно, один из ключевых вопросов при когнитивно-функциональном подходе — как именно происходит развитие.

Возможно, этим объясняется тот факт, что формальные модели грамматических изменений, набирающие популярность в последние десятилетия, в сборнике не представлены (глава Уиллиса, известного своими работами по генеративному синтаксису, написана без привлечения формального аппарата). Несмотря на это, можно сказать, что рецензируемая книга объективно отражает весь спектр современных представлений об экзаптации.

Подход в духе эволюционной биологии развития («evo-devo») то и дело возникает в работах различных лингвистов, призывая искать особенности развития языка в его онтогенезе, учитывать адаптацию грамматических элементов и конструкций, их селекцию и т. д., см. среди многих других работ [Uriagereka 2008; Croft 2008; 2013; Givón 2015]. Однако релевантность такого подхода в лингвистике все еще остается дискуссионной.

Одной из причин здесь можно назвать различие в механизме изменений в биологии и лингвистике. Биологическая эволюция связана с изменениями: а) на генном уровне и б) в индивидуальном организме. В то же время грамматическая система не закладывается генетически, что делает ее более лабильной. Одновременно с этим грамматика и более инертна, так как является атрибутом не индивида, но комплекса индивидов (языкового сообщества).

Представленное в сборнике разностороннее рассмотрение экзаптации как одного из биологических механизмов изменений является еще одним шагом по осмыслению лингвистами возможности биологического подхода к языку. В рецензируемой монографии затрагиваются наиболее важные вопросы, возникающие в связи с использованием термина «экзаптация» применительно к языковым изменениям. Прежде всего это вопросы о том: а) необходимо ли введение данного термина в лингвистический оборот; б) если да — имеет ли данный термин лишь таксономическое значение, или же об экзаптации действительно можно говорить как о реально действующем механизме грамматических изменений. Как можно понять по представленному выше изложению, авторы предлагают весь спектр ответов на данные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кузин 2016 — Кузин И. А. Критика адаптационизма в эволюционной биологии и ее значение для философии науки. Дисс. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 2016. [Kuzin I. A. *Kritika adaptatsionizma v evolyutsionnoi biologii i ee znachenie dlya filosofii nauki. Kand. diss.* [Critique of adaptationism in evolutionary biology and its relevance for the philosophy of science. Cand. diss.]. Moscow: MSU, 2016.]

- Andersen 2006 — Andersen H. Synchrony, diachrony, and evolution. *Competing models of linguistic change: Evolution and beyond*. Thomsen O. N. (ed.). (Current Issues in Linguistic Theory, 279.) Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 59–90.
- Croft 2008 — Croft W. Evolutionary linguistics. *Annual Review of Anthropology*. 2008. Vol. 37. Pp. 219–234.
- Croft 2013 — Croft W. Evolution: Language use and the evolution of languages. *The language phenomenon*. Smith K., Binder P. (eds.). Berlin: Springer, 2013. Pp. 93–120.
- Fitch et al. 2005 — Fitch W. T., Hauser M. D., Chomsky N. The evolution of the language faculty: Clarifications and implications. *Cognition*. 2005. Vol. 97. No. 2. Pp. 179–210.
- Givón 2015 — Givón T. *The diachrony of grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
- Gould, Lewontin 1979 — Gould S. J., Lewontin R. C. The spandrels of San Marco and the Panglossian paradigm: A critique of the adaptationist programme. *Proceedings of the Royal Society of London. Series B. Biological sciences*. 1979. Vol. 205. No. 1161. Pp. 581–598.
- Gould, Vrba 1982 — Gould S. J., Vrba E. S. Exaptation — A missing term in the science of form. *Paleobiology*. 1982. Vol. 8. No. 1. Pp. 4–15.
- Heine 2003 — Heine B. On degrammaticalization. *Historical Linguistics 2001: Selected papers from the 15th International Conference on Historical Linguistics, Melbourne, 13–17 August 2001*. Blake B. J., Burridge K. (eds.). (Current Issues in Linguistic Theory, 237.) Amsterdam: John Benjamins, 2003. Pp. 163–179.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P. J., Traugott E. C. *Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Jackendoff, Pinker 2005 — Jackendoff R., Pinker S. The nature of the language faculty and its implications for evolution of language (reply to Fitch, Hauser, and Chomsky). *Cognition*. 2005. Vol. 97. No. 2. Pp. 211–225.
- Kuryłowicz 1965 — Kuryłowicz J. The evolution of grammatical categories. *Diogenes*. 1965. Vol. 51. Pp. 55–71.
- Lass 1990 — Lass R. How to do things with junk: Exaptation in language evolution. *Journal of Linguistics*. 1990. Vol. 26. Pp. 79–102.
- Lightfoot 1979 — Lightfoot D. *Principles of diachronic syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Prum, Brush 2014 — Prum R. O., Brush A. H. Which came first, the feather or the bird? *Scientific American*. 2014. Vol. 23. Pp. 76–85.
- Roberts 2003 — Roberts I. *Diachronic syntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Roberts, Roussou 2003 — Roberts I., Roussou A. *Syntactic change. A Minimalist approach to grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Traugott 2004 — Traugott E. C. Exaptation and grammaticalization. *Linguistic studies based on corpora*. Akimoto M. (ed.). Tokyo: Hituzi Syobo, 2004. Pp. 133–156.
- Uriagereka 2008 — Uriagereka J. *Syntactic anchors: On semantic structuring*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Vincent 1995 — Vincent N. Exaptation and grammaticalization. *Historical Linguistics 1993*. Andersen H. (ed.). (Current Issues in Linguistic Theory, 124.) Amsterdam: John Benjamins, 1995. Pp. 433–445.

Получено / received 05.09.2017

Принято / accepted 17.04.2018